ГОББС И ФУКИДИД
(о месте Гоббса в позднем английском Возрождении)

Ю. П. Михаленко

Перевод с древнегреческого на английский «Истории» Фукидида и очерк о ее месте в античной и мировой историографии (1629 г.) — первая опубликованная Т. Гоббсом (1588—1679) работа. Она — заметное явление в культуре позднего английского Ренессанса. Некоторые исследователи даже назвали эту работу Гоббса «великой» [1]. Будучи результатом более чем тридцатилетнего изучения античных языков, литературы, историографии и философии, этот труд характеризует уровень научного развития, достигнутый к тому времени Гоббсом, подводящий его к созданию собственной системы рационалистической философии.

В возрасте шести лет Гоббс уже изучал древнегреческий и латынь. Преподавание в школе велось на основании текстов древних писателей. Об основательности подготовки говорит тот факт, что Гоббс завершил свое школьное образование (в возрасте 14 лет) переводом с древнегреческого на латинский «Медеи» Еврипида, который, однако, до нас не дошел. Но Гоббс сам сообщает о нем в своей «Автобиографии», отмечая заодно свои успехи в изучении античной литературы. Он недаром придает значение этому обстоятельству, ибо в пору Ренессанса знание литературы на классических языках считалось необходимым условием понимания человеческой природы.

В возрасте 15 лет Гоббс поступил в Оксфордский университет (1603 г.). Здесь он снова углубленно изучал классические языки, логику и диалектику в их аристотелевско-схоластическом понимании. Влияние ренессансного гуманизма выразилось в возрастании роли риторики в образовании. Вслед за «Риторикой» Аристотеля изучали «Наставления» Цицерона, труды по логике, «диалектике» и риторике П. Рамуса. Искусство полемики изучалось на методологической основе аристотелевской «Топики». Все эти особенности образования Гоббса нашли свое отражение при его работе над переводом «Истории» Фукидида.

В «Автобиографии» Гоббс отмечает, что университетское образование позволило ему считать себя знатоком философов, но он все же мечтал вернуться к изучению классической литературы [2], которая включала в себя и историографию. Такую возможность он получил, заняв (с 1608 г.) место домашнего учителя в семье Кавендиша, барона Хардвика, позднее графа Девонширского. Получив доступ в его прекрасную библиотеку в Четсворте, Гоббс вернулся к занятиям классической филологией, литературой и историографией, которые тогда его интересовали больше,

чем философия в ее схоластическом виде. В преимущественном интересе Гоббса к этой сфере деятельности находила свое выражение гуманистическая реакция на схоластику.

Рукописный перевод «Истории» Фукидида был готов в 1628 г. Гоббс познакомил с ним своих друзей, среди них выдающихся знатоков классики — знаменитого английского драматурга Б. Джонсона и шотландского поэта Р. Эйтона. Получив их одобрение, он решил его опубликовать. В связи со смертью своего патрона графа Девонширского (1628 г.) Гоббс предпослал переводу обращение к его малолетнему сыну Уильяму, выразив надежду, что перевод послужит его воспитанию в духе чести [3]. Такое обращение имеет корни в ренессансной оценке воспитательной роли исторических трудов. Касаясь мотивов, побудивших его сделать этот перевод, Гоббс пишет, что видит в Фукидиде образцового историка и потому решил познакомить с его сочинением английского читателя. При этом он исходил также из того, что французам и итальянцам «История» Фукидида уже была доступна в переводе на их родные языки [4].

Гоббс упоминает о единственном предшествующем и притом весьма несовершенном переводе на английский язык «Истории» Фукидида, сделанном при Эдуарде VI Т. Николем (1550) не с оригинала, а с французского перевода, который, в свою очередь, был сделан со старого, во многом неточного итальянского издания Л. Валлы. Гоббс же переводил с лучшего издания на древнегреческом Э. Порты и пользовался всеми доступными комментариями. Он позаботился о том, чтобы снабдить свой перевод картами Сицилии и Греции. Последнюю он нарисовал сам [5].

Выбор Гоббсом «Истории» Фукидида для перевода был не совсем обычен для традиции английской историографии XVI—XVII вв., в которой предпочтение отдавалось, прежде всего, древнеримским историкам, возвеличивавшим императорскую эпоху. Это предпочтение иногда связывают с поисками историками XVII в. аналогий между английской монархией с ее уже пробудившимися имперскими амбициями и императорской властью в Риме и ее политикой. Фукидид же не был популярен в это время в Англии даже по сравнению с другими древнегреческими историками. Но это положение постепенно менялось, и перевод Гоббса оказался в этом отношении решающим шагом.

«История» Фукидида привлекла внимание Гоббса, а благодаря его переводу — и всей читающей английской публики в силу той аналогии, которая существовала между социально-политическими ситуациями в Англии первой половины XVII в. и в Афинах времен Пелопоннесской войны (431—404 гг. до н. э.). Полагают даже, что Гоббса окончательно подтолкнуло к опубликованию своего перевода появление в 1628 г. «Петиции о правах» [6]. Если это так, то, надо полагать, мысль Гоббса, как и многих его современников, искала выход из того тупика, в котором оказалась в это время общественная власть в Англии в условиях затяжного конфликта между королем и парламентом и олицетворяемыми

ими социальными силами. Размышляя над этим конфликтом, Гоббс неизбежно должен был задуматься о коренных условиях образования и распада общественных связей, основаниях институтов власти.

«История» Фукидида дает богатейший материал для такого рода размышлений, ибо описывает крушение могущества Афин под влиянием неудач во внешней войне и внутренних междоусобиц. В Пелопоннесской войне на стороне Спарты или Афин принимали участие практически все греческие государства и их колонии, а также их негреческие союзники. Внутри государств война сопровождалась ожесточенной гражданской войной демократов против олигархов. Это состояние древнегреческого общества, живописуемое Фукидидом, вполне могло показаться Гоббсу близким к полному распаду устойчивых ранее общественных связей, к состоянию «войны всех против всех». Анализ войны между демократическими Афинами и олигархической Спартой, поддерживающих в государствах, втянутых в эту войну, соответственно демократическую и олигархическую партии, со всей остротой поставил перед Гоббсом вопрос о преимуществах того или иного политического строя. Тот же вопрос перед английским обществом ставила борьба между королем и парламентом. Гоббс считал, что изучение истории может подсказать ответ на вопросы, поставленные современностью.

В посвящении, обращении к читателю и очерке о жизни и труде Фукидида, предпосланных переводу, Гоббс изложил свои взгляды на историческую науку. В сопоставлении с текстом «Истории» на основании этих первых опубликованных Гоббсом строк можно судить о том круге научных идей, которые занимали его в это время. Дух Ренессанса, может быть, ни в чем другом не выступает у Гоббса столь отчетливо, как в его утверждении, что Аристотель в философии, Гомер в поэзии, а Демосфен в красноречии «все еще держат первенство». К этим столпам классической античной культуры Гоббс присоединяет Фукидида как образцового историка[7]. Дух Ренессанса здесь — в признании античных достижений в качестве идеала. Но мыслям Гоббса уже тесно в этих рамках. Идеи, почерпнутые из труда Фукидида, Гоббс пытался применить для понимания не только целей и методов исторической науки, но и методов науки вообще. В рассуждениях Гоббса определяется переход от ренессансного круга идей к основным идеям философии нового времени. Мы сначала обратим внимание на то новое, что у Гоббса появляется по сравнению с идеями Ренессанса как более важное, определяющее, а затем отметим некоторые собственно ренессансные черты, отходящие в развитии Гоббса в прошлое.

Предпочтение, отданное Гоббсом Фукидиду перед прочими историками, в том числе древнеримскими, т. е. его обращение почти к самым началам греческой историографии,— это движение мысли в глубь веков отнюдь не было попятным движением. Как раз наоборот, это было восхождением к вершинам античной

историографии, чему Гоббс дает обоснование, рассматривая труд Фукидида по существу и сравнивая его с работами и мнениями последующих историков и интерпретаторов. Он ссылается на Цицерона, Плутарха, Лукиана и другие авторитеты, на их оценку Фукидида как историка, достойного подражания [8].

Оценка Гоббсом «Истории» Фукидида как вершины исторической мысли не лишена основания. Фукидид выступил в историографии как завершитель блестящего «века Перикла», который прославил культуру Эллады в различных сферах деятельности — в драме (Эсхил, Софокл, Еврипид), в скульптуре, философии (Анаксагор, софисты) и др.

С разрушением остатков старого родового строя и падением общественного веса родовой аристократии, с ростом влияния торгово-ремесленных кругов, развитием демократии, отражавшей интересы последних, падало и значение идеологии, опиравшейся на античную мифологию, возвеличивавшую героев, к которым родовая аристократия возводила свое происхождение. Для «века Перикла» характерна критика всех традиционных общественных институтов и форм идеологии, исторически связанных с родовой аристократией. Эта критика нашла выражение в философии того времени, и прежде всего в учениях Анаксагора и софистов, которые подвергли анализу традиционную религию, право, нравственность, поэзию, язык, красноречие, общественное устройство, заложив основы для систематического исследования во всех сферах знания.

Софисты вслед за Анаксагором нанесли наиболее ощутимый удар традиционной религии и связанной с ней трактовке общественных явлений как находящихся под контролем богов. Позиция софистов знаменовала решающий поворотный пункт в переоценке культурных ценностей древней Эллады. Например, Протагор заявлял, что о богах невозможно знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет. Эта позиция открыла путь к последовательно натуралистической трактовке естественных и общественных явлений, к замене представления о непрерывном вмешательстве богов в ход естественных явлений и дела людей идеей естественного закона.

«Век Перикла» иногда называют эпохой античного рационализма [9]. Анаксагор, учениками которого были и Перикл, и Фукидид, выдвинул гипотезу о разуме, движущем миром. Деятели «века Перикла» склонны были признавать лишь то, в чем убеждал их собственный разум, постигающий подлинные, естественные причины событий, а в своей деятельности — уповать не на промысел богов, а на свои собственные силы.

Из учителей Фукидида (в области красноречия) Гоббс называет софиста Антифонта [10] — того самого, который был основателем античной естественной теории права. Протагор заложил основы договорной теории права. Таким образом, работа над переводом «Истории» Фукидида послужила для Гоббса стимулом к более основательному, чем школьное, знакомству с идейными ис-

точниками, способствовавшими формированию его политической теории.

Древнегреческая поэзия той эпохи захвачена общим процессом освобождения от традиционных религиозных представлений. Если у Гомера и Гесиода изображаемые события неотделимы от представлений о божественном происхождении героев и о непосредственном вмешательстве в их жизнь богов, то у великих афинских трагиков Эсхила, Софокла и Еврипида сценическое изображение подводит зрителя к пониманию естественного характера событий, поступков и нравственных норм. Боги постепенно отстраняются от людских дел, выступая лишь как олицетворение порядка природы. Действие трагедий развивается под влиянием естественных побуждений героев, а исход оказывается результатом столкновения различных интересов и характеров. Античная трагедия оказала разрушительное воздействие на мифологические представления [11].

Тот же процесс секуляризации происходил и в античной историографии. Творения первых исторических писателей Ионии, так называемых логографов, мало отличались от сочинений поэтов. Это были всего лишь изящные рассказы, в которых не проявлялось достаточной заботы о достоверности описываемых событий. Для них было характерно тяготение к мифологии [12]. Отсутствие объективной исторической критики, любовь к преданиям свойственны и первому знаменитому древнегреческому историку Геродоту, у него поступки исторических деятелей подчинены сверхъестественному закону возмездия, року.

Лишь у Фукидида мы впервые встречаемся с критическим отношением к описываемым историческим событиям. Осмысливая события, Фукидид исключает влияние сверхъестественных сил на поступки людей. Гоббс вслед за Фукидидом никогда не ссылается на популярный в его время тезис о том, что история обнаруживает промысл бога в делах людей.

Существует известная аналогия не только между социально-политическими ситуациями в Англии первой трети XVII в. и в Афинах последней четверти V в. до н. э., но и между тенденциями развития их культур. Идеология передовых деятелей афинской культуры освобождалась от мифологических представлений, а передовые мыслители Англии — от влияния христианской теологии. В стремлении к натуралистическому пониманию природы и общества, свободному от влияния религиозных представлений, мысль Гоббса естественным образом пришла к «Истории» Фукидида и к породившей ее эпохе. Трудно усомниться в том, что работа над переводом стимулировала усиление атеистической тенденции в духовном развитии Гоббса.

В XVII в. история считалась важной составной частью образования светского человека. Подтверждая это мнение, Гоббс замечает, что «в истории дела чести и бесчестия выступают ясно и отчетливо», тогда как в наше же время достоинство поступков замаскировано различными побочными обстоятельствами [13]. Ис-

торические труды ценили за то, что знакомство с ними развивало практическую предусмотрительность. Цицерон и вслед за ним гуманисты XVII в. рассматривали исторические труды как искусственную память, собрание примеров, питающих душу читателя опытом человечества, относящимся к гражданской нравственности и политической мудрости, которые столь необходимы для государственных деятелей. По мнению Гоббса, именно «История» Фукидида выполняет эту задачу наиболее естественно и полно, ибо Фукидид лучше других историков понимал, что «основная и собственная цель истории состоит в том, чтобы учить людей и делать их способными путем познания прошлых событий вести себя благоразумно в настоящем и предусмотрительно в отношении будущего»; он обладал «наивысшей способностью написания истории» [14].

Но исторические уроки могут быть поучительными лишь в том случае, если события истории обладают известной повторяемостью и если мы на основании познания прошлого можем предвидеть будущее, т. е. в том случае, если причины исторических событий доступны пониманию, а в известных пределах и человеческому контролю. С осознанием этого Гоббс приходит к высокой оценке научной объективности Фукидида.

«Историю» Фукидида Гоббс рассматривает с точки зрения, во-первых, ее содержания и, во-вторых, примененного в ней научного метода. Этот свой подход Гоббс выразил в тезисе: «Истина и красноречие — это душа и тело истории» [15]. Содержание исторического повествования должно быть истинным — и не только в смысле достоверного описания фактов, но и в смысле постижения причин событий. Что же касается красноречия, то речь у Гоббса идет, прежде всего, не об увлекательности изложения, а о соответствии формы изложения содержанию. Гоббс рассматривал риторику по-аристотелевски, как неразрывно связанную с логикой и диалектикой. Под риторикой в данном случае Гоббс имел в виду способ трактовки исторического материала, метод проникновения во внутреннюю связь событий. С точки зрения как содержания (истинности), так и метода, вспоминал позднее Гоббс, «Фукидид мне нравился больше прочих» [16], ибо превосходил остальных историков в этих отношениях.

Гоббс превозносит достоверность сообщаемых Фукидидом сведений, которую никто и никогда, по его словам, не ставил под сомнение. Способность Фукидида удержаться на уровне достоверности событий основана на том, что он не старался угодить ни властям, ни публике и мог позволить себе большие затраты на сбор информации [17].

Отсутствие у Фукидида симпатий к какой-либо политической партии, борющейся в Афинах, позволило ему быть беспристрастным в отношении описываемых событий. Это всего лучше характеризует Фукидида по сравнению с большинством других историков, труды которых и их «догадки о тайных целях и внутренних соображениях» исторических деятелей часто больше характе-

ризуют самого автора, его политическое настроение, чем подлинную историю. По мысли Гоббса, каждая такая догадка «должна быть тщательно обоснована, не навязана с намерением служить цели автора». Догадки правомерны только в том случае, если они почти очевидны, т. е. если «само повествование может быть достаточным, чтобы подсказать то же самое также и читателю». Фукидид никогда не прерывает своего повествования, чтобы морализировать по поводу описываемых событий. Он не стремится заглянуть в сердца исторических деятелей «далее, чем очевидно указывают сами действия». В таком подходе Фукидида к задачам и методу исторического повествования Гоббс видит правильное понимание исторической науки как «чисто повествовательной» [18].

Называя историю «повествовательной» дисциплиной, Гоббс уже здесь исходит из того деления методов познания, которое для него стало особенно характерным, когда он развил вполне свою механистическую систему, резко противопоставляя эмпирическое познание (как вероятное) дедуктивному познанию (как достоверному). Ниже мы увидим, что признание истории наукой «повествовательной» вовсе не означает, что история, по Гоббсу, не способна постигать сущность событий и что она не располагает для этого соответствующим методом, отличным от простого описания фактов. Гоббс подчеркивает, что сила «описательности» науки — в объективности, умении строго держаться имеющих отношение к делу фактов, не искажать их.

Хотя Фукидид нигде не навязывает своих убеждений читателю, он тем не менее, замечает Гоббс, самый политический писатель из всех историков. Ибо он так отбирает материал и так его располагает, что, по выражению Плутарха, «делает читателя зрителем». Он ведет читателя в государственный совет и в народное собрание, на улицы городов, заполненные восставшим народом, на поле битвы. И в результате чтения его исторического повествования читатель приобретает опыт, словно он был участником событий. Из этого чтения, заключает Гоббс, еще и сейчас можно извлекать политические уроки [19].

Фукидид подчеркивал своеобразие своего подхода к историческому исследованию по сравнению с предшествующей историографией, которая была беззаботна в отношении «отыскания истины, охотно принимая готовые мнения». Им же, Фукидидом, события «восстановлены по достовернейшим свидетельствам» со всей возможной полнотой, а не по преданиям поэтов с их приятными для слуха прикрасами [20]. Добавим к характеристике Фукидида, что он был первым историком, который стал привлекать подлинные документы при написании истории [21].

Последующая историография древности в целом не удержалась на высоте требований, предъявленных Фукидидом к историческому исследованию. В ней пышно расцвели те самые пороки, которые Фукидид осуждал. Это явно выступает у Дионисия Галикарнасского, критиковавшего предмет и метод «Истории» Фуки-

дида. Гоббс критикует позицию Дионисия Галикарнасского, и эта критика проливает свет на то размежевание, которое было существенным для историографии как в древнее, так и в новое время.

Дионисий осуждает выбор Фукидидом темы для своего исследования, ставя Геродота выше Фукидида в этом отношении на том основании, что Пелопоннесская война была несчастьем для Греции. Поэтому, по Дионисию, не следовало бы и сохранять память о ней. Гоббс возражает, полагая, что времена несчастий бывают более поучительными, чем периоды успеха. Фукидид мог писать достоверно лишь о том, что он хорошо знал, т. е. о Пелопоннесской войне. В отличие от Фукидида Геродот часто передает вымыслы, служащие для развлечения. Задачу историка Дионисий видит не в сообщении истины, а в том, чтобы доставить удовольствие читателю, «как будто речь идет о песне». Дионисий предпочел бы, чтобы бедствия родины были преданы забвению и описывались лишь прославляющие ее деяния, т. е. он требует от историка пристрастности к своему отечеству. Все это Гоббс характеризует как «самые очевидные пороки» [22].

Взгляды Гоббса на задачи исторической науки не были вполне новыми. Еще в древности сходные мысли о задачах историка (в отличие от оратора и политика) излагал Аристотель (Риторика, 1356а), а вслед за ним и Цицерон (Об ораторе, II, 16, 65). В эпоху Возрождения за объективность исторического исследования высказывались Комин и Гвиччардини. Бэкон перенес это требование в историографию нового времени. О Саллюстии, которого в известном смысле можно назвать римским учеником Фукидида, Д. Мильтон писал (в письме от 15 июля 1657 г.), что находит в нем политического писателя, служащего истине, а не фантазии, т. е. «историка, а не оратора» [23].

Но тот факт, что Гоббс не первый возродил названное достижение античной историографии в новое время, не умаляет, а подчеркивает прогрессивность его позиции, ибо уже в своем первом печатном труде он выступил в русле значительной научной традиции. Ренессансная историография не сводилась к попыткам воспроизведения античных достижений, она состояла и в разнообразных их истолкованиях. Хотя взгляды Аристотеля и Цицерона на задачи исторического исследования были известны деятелям Ренессанса, все же среди них преобладала тенденция, родственная не взглядам Фукидида, а позиции Дионисия Галикарнасского. В той мере, в какой Ренессанс оставался достоянием придворных кругов при просвещенных монархах Европы и деятелей религиозной Реформации, не существовало условий для процветания объективности исторического исследования.

Напротив, интересы утверждающегося абсолютизма и теологические споры требовали пристрастной приверженности своему монарху, своей доктрине. Когда же на историческую сцену выступил достаточно окрепший революционный класс буржуазии,

чтобы заявить свои права на экономическое и политическое преобладание,— класс, полный социального оптимизма в пору своих наиболее решительных революций,— тогда требование исторической объективности обрело новую общественную почву. Возрождая это требование при работе над «Историей» Фукидида, Гоббс, по существу, выражал коренные теоретические интересы самого революционного класса своего времени — буржуазии, а не того узкого круга аристократов, близких ко двору и проникнутых узкосословным духом, с которыми он был лично так или иначе связан и которые стремились найти в «Истории» Фукидида аргументы в пользу превосходства монархического способа правления над всеми остальными. Аргументы эти при внимательном рассмотрении оказываются весьма сомнительными.

В первом печатном труде Гоббса заметна углубленность поисков новых путей научного развития — на самом пороге возникновения механистического мировоззрения. От исторической объективности Фукидида и религиозного скептицизма своей эпохи Гоббс пришел к философскому объективизму, к союзу с античным материализмом, развив позднее принципы материализма на новой, механистической основе. Вместе с тем он поднял на новый уровень материалистическую теорию познания и логику.

Работа над «Историей» Фукидида была особенно важна в научном развитии Гоббса потому, что при этом он впервые столкнулся с необходимостью серьезно трактовать понятие необходимости, которое позднее заняло в его философии центральное место. Гоббс подходит к этому вопросу, выбрав в качестве образца, может быть, наилучшую в античности попытку объяснения исторических изменений. Объяснение Фукидида натуралистическое. Это значит, что он ищет причины событий в людях и в естественных вещах, которые зависят от людей или от которых люди сами зависят. Для объяснения событий он нигде не ссылается на рок или волю богов, хотя и признает, что суеверный страх людей перед богами может быть причиной человеческих поступков. Например, появление оседлого населения в Греции Фукидид объясняет развитием земледелия, рост богатств — процветанием торговли и мореходства, строительство укрепленных городов — необходимостью защищать это богатство от набегов врагов [24]. Указание Фукидидом некоторых материальных факторов, действующих в истории, отнюдь не означало, что он хотя бы приближался к материалистическому пониманию истории, ибо он не выдвигал эти материальные факторы в качестве определяющих по отношению к другим — идеальным, таким, как человеческие страсти, представления, верования и другие идеальные побуждения.

Тем не менее взгляды Фукидида на причинную связь исторических событий очень значительны для своего времени. Причинность в истории, по Фукидиду, в обобщенном виде выступает как переплетение самых разнообразных человеческих интересов, общие причины — как суммарные результаты частных, за личны-

ми стремлениями граждан обнаруживаются интересы государства.

Среди факторов общественного изменения Фукидид выделяет стремление людей к власти и богатству и, особенно, способность богатства повлиять на успех войны. Перикл у него говорит, обращаясь к народу Афин, что на «войне обычно побеждает рассудительность и обилие денег» [25]. Царь Архидам предостерегает лакедемонян от войны против Афин потому, что последние превосходят спартанцев и их союзников на море и в деньгах, которые они получают также и от своих союзников, «а война — это не столько война оружия, сколько война денег, с помощью которых применяется оружие» [26]. Наконец, сицилийцы, чтобы защититься от афинян, собирались просить помощи у Спарты, Коринфа и, особенно, у Карфагена, который может помочь больше всех, потому что у последнего золото и серебро, обеспечивающие войну и все прочее, имеются в изобилии» [27]. Эти идеи Фукидида стали прочным достоянием исторической и социологической мысли. Их обсуждают и Тацит, и Ф. Бэкон.

Гоббс обратил внимание на то, что Фукидид проводит различие между причинами частного и общего порядка, например различает причину Пелопоннесской войны и повод, предлог к ней. Поводом послужило то, что Афины запретили Мегарам пользоваться своими портами и рынками, а это грозило Мегарам разорением. Спартанцы настаивали на отмене этого запрета. Но Перикл правильно указал афинянам, что забота о Мегарах для спартанцев лишь предлог и что если Афины уступят в этом вопросе, то лакедемоняне выдвинут новые требования, так как подлинная причина их вражды к Афинам — боязнь усиления афинского могущества, ибо к этому времени уже бо́льшая часть Греции и греческих колоний подпала под влияние Афин. Это различение между причиной и поводом немаловажно. Историк должен уметь различать существенное и несущественное. Но не лишне указать и предлог, ибо без предлога, замечает Гоббс, не бывает и войны [28].

События Пелопоннесской войны Фукидид изображает на фоне внутренней политической борьбы в Афинах и других государствах. Это дало Гоббсу повод трактовать о сравнительных достоинствах различных политических форм. Когда власть в Керкире с помощью афинян взяли демократы, то они стали избивать олигархов как врагов народа. А затем в движение пришла вся Эллада. И «всюду в раздорах народ звал на помощь афинян, а олигархи — лакедемонян» [29].

Через изучение классики Гоббс подходит к одному из важнейших понятий своей философии — понятию человеческой природы, которое он положит в основу всех своих антропологических и социологических построений. Из изучения «Истории» Фукидида, однако, нельзя сделать вывод, что «человеческая природа» неизменна, к которому позднее пришел Гоббс.

У Фукидида, как и у других мыслителей его эпохи, склады-

валось понятие «человеческая природа» как совокупность черт, общих всем людям независимо от национальной принадлежности. Эти черты, находящие свое выражение, прежде всего, в разуме, речи, страстях и привычках, могли изменяться в зависимости от условий, но в конечном счете именно они признавались оказывающими решающее влияние на ход событий. Архидам на совете лакедемонян говорил, что люди — «причины всех событий», но из людей того следует признать наилучшим, который воспитан в наибольших трудностях [30].

А вот как выступает у Фукидида «природа» предприимчивых афинян в противоположность праздности спартанских олигархов. «Афиняне любят нововведения, быстры в изобретении». «Они вечно в трудах» и в погоне за богатством. «Они не признают праздников для отдыха», ничегонеделанье для них — «худшее мучение, чем изнурительный труд» [31]. Разве эта характеристика различия между социальными типами — предприимчивым ремесленником, торговцем и мореходом из Афин и презирающим предпринимательскую деятельность спартанцем, опирающимся на военную силу,— не напоминает о противоположности между английским предпринимателем — купцом — и французским дворянином, как она выступала в XVI—XVII вв. и была оценена тем же Гоббсом или, например, Бэконом?

Но за этим социальным различием, о котором мы узнаем из «Истории» Фукидида, лежит общая, единообразная основа, ибо все люди наделены разумом и страстями, движения которых характеризуют человеческую природу у всех людей и у всех народов во все времена.

Фукидид так изображает картину народного восстания в Керкире: «Человеческая природа, привычная преступать законы, одолела их и с наслаждением явила себя, не сдерживая страсти, попирая право». Вслед за Керкирой и на другие города обрушилось много таких «бед, какие бывают и будут всегда, пока человеческая природа останется той же» [32].

Можно со значительной долей уверенности утверждать, что понятие «человеческой природы», разработанное философами XVII—XVIII вв., по ряду своих существенных компонентов связано с античными источниками. Его мы находим не только в «Истории» Фукидида, но и в сочинениях Аристотеля, который усмотрел в «человеческой природе» тот же самый конфликт между разумом и страстями, полагая, что страсти, если они не контролируются разумом, могут погубить самого хорошего человека; власть страстей над человеком проистекает из его «животной» природы, власть же разума идет от закона (Политика, III, 16, 4).

Христианские апологеты пытались представить дело таким образом, будто понятие общечеловеческой природы возникло лишь вместе с христианством, которое уравняло «перед богом» свободного и раба. Но эта претензия несостоятельна. Христианская религия не устранила рабства, а, наоборот, оправдала его. Понятие человеческой природы, общей всем людям без исключения, со-

гласно которому раб равен свободному, а варвар — эллину, возникло за 400 с лишним лет до появления христианства, в «век Перикла», вместе с демократизацией общественной жизни Афин, крушением претензий родовой аристократии на руководство государством, возрастанием в экономической и политической жизни роли людей труда, занятых в ремесленном и сельскохозяйственном производстве, торговле и мореплавании [33]. Тезей, Солон, Клисфен, Фемистокл, Перикл возвысили роль трудящегося населения как опоры демократического строя. Неимущие граждане смешивались с рабами в процессе труда, а при крайних обстоятельствах — и на службе в армии и на флоте. Подняв значение людей труда, афинская демократия в краткий момент ее наивысшего расцвета способствовала осознанию единства человеческой природы. Развитие демократии привело к временному облегчению положения рабов. Убийство и увечье раба стало караться законом.

Поэты и философы эпохи Перикла высказывали новые идеи о равенстве физической и духовной природы свободного и раба. Еврипид оценивал нравственную добродетель выше любого другого достоинства человека, полагая, что в нравственном отношении раб может быть выше господина, что у раба позорно только имя, а душа его может быть свободна. Идеальное общественное устройство Платона исключает рабов (Государство, II, 370—373). Платон предлагал карать смертью убийство раба (Законы, IX, 865d). Аристотель был непоследователен, характеризуя раба то как вещь, то как человека, но и он, умирая, освободил своих рабов.

Наряду с этим в Греции развивалось общеэллинское сознание, способствовавшее возникновению античного космополитизма — через межгосударственное значение греческой торговли, мореплавания, искусства, философии, через смешение эллинов и варваров в Пелопоннесской войне. Этот космополитизм выразил Сократ в тезисе: мое отечество — «вся земля» (Цицерон. Тускул. V, 37). У Еврипида, который был наилучшим знатоком человеческих страстей из всех великих древнегреческих трагиков, тот же космополитизм находит выражение в общечеловеческом характере его героев — в противоположность национальному характеру героев Эсхила и Софокла.

Не менее важным было возникновение понятия силы как основы права. В описании событий Пелопоннесской войны Фукидидом воюющие стороны и борющиеся партии всегда ставят силу выше права, когда последние приходят в столкновение друг с другом. Война лишь предельно обнажает этот факт. В ходе греко-персидских войн Афины обрели роль гегемона по договору с союзниками, как сильнейшее в морском отношении греческое государство. После войны они силой удержали за собой права гегемона, т. е. господство над союзниками. В переговорах с более слабым противником — мелосцами — афиняне без обиняков заявляют, что их «право на владычество приобретено побе-

дой над Мидянином». По их же словам, «в человеческих взаимоотношениях право имеет смысл только тогда, когда при равенстве сил обе стороны признают общую для той и другой стороны необходимость. В противном случае более сильные требуют возможного, а слабый вынужден подчиниться» (История, V, 89). При работе над «Историей» Фукидида Гоббс не мог не извлечь этот важнейший урок, ставший достоянием антифеодального направления в правоведении XVII в., которое отвергло религиозную санкцию права и признало его основой силу. Гоббс также обратил внимание на социальную функцию языка, который выступал как средство социального влияния,— особенно в речах ораторов перед народом [34]. Философ отмечает колебания мнений публики под воздействием политических речей [35].

Фукидид приводит примеры, когда язык выполнял и другую роль. При обострении внутренней борьбы, переходящей в гражданскую войну, язык выполняет функцию политического подстрекательства. В условиях острой социальной борьбы слова теряют общепринятые значения, борющиеся в ряде случаев придают им противоположный смысл. Когда междоусобица царила в Керкире и других греческих городах, то «с чьей бы стороны ни становились люди во главе государства, слова у них были самые благовидные» — и о преимуществах всенародного гражданского равноправия, и о здравом правлении лучших, но обычные значения слов «стали пониматься по-другому» [36]. «Принятые значения слов изменились на произвольные» [37]. Так, здравомыслие стало пониматься как малодушие, умеренность принимали за покров трусости и т. п. Крайние обстоятельства гражданской войны подрывали социальную роль языка, который из средства сплочения граждан превращался в орудие раздора.

От мыслей о связи языка с судьбой государства прямой путь к концепции, позднее развитой Гоббсом, о языке как инструменте, позволяющем людям договориться, выявив общность своих интересов, и сплотиться в общество, выйдя из «естественного» состояния всеобщей вражды, и о гражданской войне как нарушении общественных связей и возврате к «естественному» состоянию.

Такова та «истина», которую Гоббс нашел у Фукидида. Далее речь пойдет об отношении Гоббса к исследовательским методам Фукидида, к его «красноречию», т. е. способам трактовки исторического материала.

Ренессансная историческая «риторика» по своим теоретическим положениям восходила к Цицерону и, еще дальше, к Аристотелю. Свои подходы она делила на «изобретение» и «расположение». Цель «изобретения» состояла в сборе и исследовании материалов и подготовке аргументов для обоснования выдвигаемых точек зрения. «Расположение» трактовало о способах изложения уже отобранного материала, о стиле, убедительности, средствах произвести впечатление на читателя. У Аристотеля и Цицерона «изобретение» было рассчитано на отыскание истинных или по-

видимому истинных аргументов, т. е. хотя и рассматривалось, как раздел риторики, но могло эффективно выполнять свою задачу только в неразрывной связи с логикой и диалектикой, пользуясь логическим учением о выводе и диалектическим учением об обосновании правдоподобности тех или иных общих утверждений о фактах (т. е. гипотез).

Таким образом, поиски истины в лучшей ренессансной и, тем более, античной историографии не ограничивались сбором достоверной информации о фактах, они продолжались и при трактовке известных фактов, при углублении в суть явлений, при поисках причин, например истинных мотивов, скрытых за выдвигаемыми политическими деятелями теми или иными объяснениями их действий. Наше знание об этих мотивах, считает Гоббс, может быть лишь гадательным, а наши утверждения об этих мотивах — лишь более или менее правдоподобными, ибо эти мотивы не всегда доступны пониманию по тем данным, которыми теперь располагает историк [38]. В этих случаях исследователю как раз и могут помочь методы античной диалектики.

Гоббс находит у Фукидида способ выявления причинной связи событий или мотивов поступков исторических деятелей, исходящий из самой логики событий или поступков. Не пускаясь в резонирование о возможных причинах, Фукидид так отбирает материал и так его располагает, что его «повествование само неявно учит читателя». Такое изложение Гоббс называет «прозрачным» [39]; оно делает прошлое почти осязаемым для читателя, погружающегося в исторический опыт и воспринимающего уроки хороших и дурных поступков и событий по их реальным следствиям.

Главный риторический прием Фукидида — это использование речей государственных деятелей. Содержание этих речей не всегда можно подкрепить документально, строгими историческими доказательствами. Но этот прием позволяет Фукидиду показать, какие основания предлагаемых государственных акций вожди выдвигали перед народом. Включая в повествование и противоположно направленные речи, Фукидид показывает исторические события в различном освещении — с точки зрения не только афинян, но и их противников. Так, если Перикл говорит о богатстве, цветущей культуре и демократических свободах Афин как награде за трудолюбие, предприимчивость и изобретательность, то в глазах противников афинян все их достоинства выступают как угрожающий экспансионизм.

«Красноречие» Фукидида — метод правдоподобной реконструкции исторических событий, сложившийся под влиянием античной диалектики, был принят ренессансной мыслью как способ трактовки тех фактов, причины которых для нас могут быть лишь предположительными. Он оказал глубокое влияние на сложившийся у Гоббса позднее дедуктивно-гипотетический метод, который он признал основным методом физики.

Но риторика выполняла в античности и в эпоху Возрождения

еще и другую функцию, связанную не с исследовательской задачей, а с воспитательной. В последнем аспекте риторика исторического повествования была близка к красноречию в его обычном понимании и связана уже с проблемами не логики, а психологии. Деятели ренессансного образования обсуждали вопрос о том, какая дисциплина более пригодна, чтобы привить учащемуся добродетель, в частности политическую. Философия ли это, стремящаяся убеждать с помощью логического доказательства той или иной нравственной максимы; или это история, знакомящая читателя с примерами доблестных и порочных деяний; или же это, наконец, поэзия, воспевающая доблесть в возвышенных образах и высмеивающая порок в образах уничижительных. Столкновение этих различных точек зрения было ярко изображено английским поэтом елизаветинской эпохи Сиднеем в произведении «Защита поэзии». Спор был основан на предположении, что философские доказательства, хотя и убеждают разум, все же оставляют холодными чувства, в силу чего человек не спешит применять философские максимы на практике. Исторические же примеры и поэтические образы, возбуждая чувства, прививают отвращение к злу и стремление к добродетели. Вспомним, что одним из стимулов, двигавших Александром Македонским, было его стремление подражать гомеровскому Ахиллу.

Мыслителям Ренессанса был известен замысел Протагора связать философию с жизнью с помощью риторики — искусства, способного формировать из юношей зрелых граждан. Софисты — последователи Протагора — не избежали, однако, обвинения в том, что предназначали риторику для подстрекательских целей, что способствовало нравственно-политическому расколу афинян во время Пелопоннесской войны.

Вслед за Сократом и Платоном Аристотель считает, что образование должно прививать добродетель. В противовес софистам, он подчиняет риторику диалектике, хотя и признает обе эти дисциплины универсальными, имеющими своей целью доказательство (Риторика, I, 1, 1354а 1 — I, 1, 1355а 5). Полагая, что оратор должен стремиться убедить слушателей, апеллируя к разуму, а не к чувству, он все же признает, что в природе ораторского искусства — стремление к убеждению всеми доступными средствами, и выражает сожаление, что не существует различных названий для морально ответственного и морально безответственного оратора (Там же. 18—20). Учение софистов, по его мнению, воспитывало морально безответственных ораторов.

Цицероновская традиция, заимствовавшая лучшее у Аристотеля, стремилась разрешить этот конфликт мнений, пытаясь увязать логику с психологией, красноречие с нравственностью и т. д. Именно в русле этой традиции Гоббс развивает свои взгляды на педагогическую роль риторики в историческом повествовании. По его мнению, конфликт между этическими целями (истина, добродетель) и средствами их достижения (логика, красноречие) не является неизбежным. Чтобы его разрешить,

нужно, по-аристотелевски, подчинить риторику логике. Потому-то Гоббс и считает «истину и красноречие» «душой и телом» политической истории. Истина должна быть выявлена логическими средствами. Но сама по себе она недостаточна, чтобы возбудить волю к энергичной деятельности[40]. Поэтому философия как средство воспитания должна быть дополнена историей и поэзией. Но не всякое красноречие служит истине и добродетели. Ведь часто пишут и читают историю ради ложных целей, не восхищаясь доблестными поступками, а наслаждаясь кровавыми сценами гибели гладиаторов и целых армий[41]. Таким образом, «История» Фукидида привлекла внимание Гоббса, между прочим, и потому, что в ней риторика подчинена целям выявления истины и воспитания в читателе героической добродетели.

Отметим сильное влияние Аристотеля на Гоббса в этот период. Продолжая еще считать Аристотеля первым среди философов, Гоббс особенно высоко ценил его «Риторику» и широко пользовался ею в процессе преподавания и воспитания, сделав ее конспект для собственного употребления. Даже позднее, став суровым критиком Аристотеля, он все еще находил «Риторику» «редкостной»[42], полагая, как и Аристотель (Риторика, I, 1, 1355a 22 — 1355b 8), что риторика полезна в преподавании морали[43]. Существенные следы влияния Аристотеля сохранились в методах рассуждения Гоббса и в механистический период. Л. Страусс отмечает сходство взглядов Аристотеля и Гоббса в вопросах об общественной роли языка, об отношениях между разумом и страстями человека, между логикой и психологией и т. п.[44]

Работа над переводом формировала языковой стиль Гоббса. Он стремится повторить оригинал компактностью, точностью и силой выражения. Эти свойства языка будут присущи произведениям Гоббса и тогда, когда он станет зрелым мыслителем. Гоббс защищает стиль Фукидида против критики Дионисия Галикарнасского, который жаловался на трудность языка афинского историка. Философ согласен с Цицероном, который признавал стиль Фукидида образцом риторической прозы, проводя различение между видами красноречия (Об ораторе, II). Проза Фукидида, считает Гоббс,— красноречие особого рода, не пригодное для речи в народном собрании или суде, где слова быстро улетают и все сказанное должно легко восприниматься и запоминаться. У Фукидида, напротив, слова полновесны, и у читателя должно быть время, чтобы он мог их обдумать. Красноречию такая проза родственна силой убедительности[45].

Иногда противопоставляют язык Гоббса тому простому и краткому стилю естественнонаучных трактатов, который принято и пропагандировало Лондонское Королевское общество[46], на том основании, что стиль Королевского общества сложился в борьбе против всяких риторических украшений языка, затемняющих суть естественнонаучных положений, а Гоббс отдавал предпочтение риторической прозе Фукидида. Эта точка зрения, на наш

взгляд, не учитывает существенных различий в тенденциях развития риторики в античности и в эпоху Возрождения. В речах Демосфена и Цицерона, в прозе Фукидида и других классиков античности риторика (способ выражения) была подчинена защите политических и патриотических идеалов, нравственному воспитанию граждан, т. е. «истине». Но в иное время (в императорском Риме, в придворно-ренессансных кругах, у церковных ораторов периода Реформации) красноречие было подчинено иным, узкополитическим целям и приобрело чрезмерно пышный характер, что и вызвало к ней неприязнь деятелей новой науки, стремившихся к разрыву со словесной ученостью.

Важным шагом к такому разрыву были переоценка наследия, возврат от более поздних эталонов красноречия к строгим и глубоким античным образцам. Лондонское Королевское общество следовало идеям Бэкона о простом и ясном стиле научной прозы. Шаг, сделанный Гоббсом от прозы Фукидида к краткому, точному, выразительному и емкому языку своих зрелых произведений не противоречил требованиям Бэкона и Королевского общества, а соответствовал им.

В заключение рассмотрим вопрос о влиянии, которое оказал перевод «Истории» Фукидида на политическую позицию Гоббса. Широко распространено мнение, что у Фукидида Гоббс заимствовал аргументы в защиту монархии и сам считал предпочтительной эту форму правления[47]. Но что говорит об этом сам Гоббс? Он утверждает, что мнения Фукидида об управлении государством «были всего менее благоприятны для демократии». Такой вывод Гоббс сделал из исторического повествования Фукидида о функционировании афинской демократии в период ее наивысшего расцвета, а затем — в момент напряжения всех ее сил для защиты своего существования. Фукидид указывает на непоследовательность решений народного собрания — в силу неустойчивости мнений массы и противоположных своекорыстных устремлений вождей. Гоббс отмечает, что Фукидид не возвеличивал и власть немногих, т. е. аристократию или олигархию, ибо здесь каждый хочет быть первым, подчинение переносится труднее, чем при демократии, часты мятежи и распады правительства. Фукидид хвалит правление в Афинах, когда оно было сочетанием власти многих и немногих (тирания Писистрата). В начале Пелопоннесской войны правление в Афинах представляло собой «монархию Перикла, хотя и называлось демократией». Похоже, полагает Гоббс, что Фукидид одобрял царскую власть[48].

Таким образом, даже о Фукидиде Гоббс не считал себя вправе категорически утверждать, что тот «одобрял царскую власть», хотя это и представляется ему весьма правдоподобным. Авторы, полагающие, что Гоббс черпает у Фукидида аргументы в пользу монархии, считают в этом отношении особенно показательными приведенные Гоббсом слова древнегреческого историка о том, что в начале войны правление в Афинах было «монархией Перикла, хотя и называлось демократией». Этот аргумент не представля-

ется убедительным. И не только потому, что другие авторы используют тот же аргумент, чтобы подчеркнуть преимущества демократии, как, например, Л. Бруни, который в 1428 г. ссылался на правление Перикла с целью прославления республиканских идеалов Флоренции [49]. Предпочтение монархии не вытекает из логики рассуждений Фукидида или Гоббса.

На самом деле, как Фукидид, так и Гоббс находят прочным правление и Писистрата (тирания), и Перикла (демократия) независимо от различия политической формы, потому что эти правители умели учесть нужды народа в качестве интересов государства. Историки видят источник прочности власти Писистрата в том, что он удовлетворил некоторые нужды народа и подавил распри олигархов — все это при сохранении добытых ранее народом конституционных форм [50]. Потому-то Гоббс вслед за Фукидидом называет тиранию Писистрата «сочетанием власти многих и немногих». Власть преемников Писистрата ослабла, так как они в большей мере пренебрегали правами и интересами народа. Правление Перикла — «монархия» на деле, ибо Перикл умел убедить народное собрание в правильности своей политической линии и добиться единства действий народа. Правильная мера отношений между вождями и народом была нарушена после смерти Перикла, ибо его преемники были «между собой равны, но каждый стремился стать первым» и от этого «сделано было много ошибок» в результате своекорыстной борьбы [51]. Таким образом, согласно Гоббсу, всякая форма правления прочна, если при ней соблюдается основной принцип, обеспечивающий силу и устойчивость государства: благо народа — высший закон. Исходя из этого, Аристотель противопоставляет демократию охлократии, аристократию — олигархии, монархию — тирании, как «правильные» политические формы формам «неправильным». Принцип «благо народа — высший закон» защищался далее древнеримскими юристами как основа политики, обеспечивающей устойчивость той или иной формы правления. Он же был положен в основу теории государства и права прогрессивными мыслителями XVII в., в том числе Бэконом и Гоббсом. В «Левиафане» Гоббс назвал этот принцип «естественным законом».

Жебелев пришел к убедительному выводу, что для Фукидида важнее дух того или иного правления, чем его политическая форма [52]. Этот же вывод, нам представляется, справедливо сделать и об отношении самого Гоббса к различным политическим формам в момент опубликования его перевода «Истории» Фукидида. Подобно тому как Фукидид отказался от религиозно-мифологической мотивации исторических событий, Гоббс отказался от христианско-религиозного обоснования права, которое предполагает оправдание феодально-монархической иерархии и предпочтение монархии перед прочими политическими формами.

Через 20 лет в работе «О гражданине» Гоббс утверждал, что хотя монархия, на его взгляд, предпочтительнее других форм правления, он не может обосновать это утверждение демонстра-

тивно [53]. И это несмотря на то, что для него «политика» — демонстративная наука. Свое предпочтение монархии Гоббс относил только к тем странам, для которых эта форма была традиционной, например к Англии, Франции и Испании, а не к тем, для которых традиционной формой была республика, как для Голландии и Швейцарии. Для любой конкретной страны Гоббс выступал за сохранение существующего политического строя, ибо всякую попытку его коренного изменения, в особенности гражданскую войну, он расценивал как разрушение социальных связей, основанных на «общественном договоре», крушение самого общества: Гоббсу не был известен взгляд на классовую борьбу как на движущую силу социального прогресса.

Признание «блага народа» высшей целью политики не позволяет Гоббсу догматически восхвалять какую-либо одну политическую форму. Он не понял, конечно, до конца социальной природы конфликта между короной и парламентом в Англии XVII в. и уподобил парламентских ораторов афинским демагогам, соперничество которых раздирало народное собрание после смерти Перикла. Гоббс позднее писал, что демократия Афин показалась ему «негодной», а «один человек более мудрым, чем большое собрание». И он перевел «Историю» Фукидида, чтобы все, говорящие по-английски, «гнали прочь ораторов с их советами» [54].

Демократия представляется Гоббсу «негодной» тогда, когда основанный на ней строй раздирается страстями людей с противоположными устремлениями. В «Бегемоте» Гоббс утверждает, что наглость — «богиня риторики», имея в виду смятение, которое ораторы вносят в «демократические собрания» [55]. Позднее Гоббс употреблял термин «риторика» применительно к политике чаще всего в бранном смысле, имея в виду оружие демократов, а демократию называя «правительством немногих ораторов» [56]. К достоинствам же монархии он относил единство мнений в органах власти.

Вспомним, однако, что при правлении Перикла единство мнений было характерно и для народного собрания, ведомого признанным вождем. А при правлении Стюартов Англию раздирали распри (как и афинскую демократию после смерти Перикла), ибо эти короли, как и афинские демагоги, мало заботились о государственных интересах, отдавая предпочтение корыстным интересам своим и своего окружения.

Причины общественных распрей Гоббс видел не в том или ином политическом строе, а в «человеческой природе», в страстях человеческих, которые в погоне людей за властью, богатством и удовлетворением честолюбия берут верх над разумом, вследствие чего попираются законы государства, которые, по Гоббсу (и Аристотелю), как раз и предназначены для того, чтобы обуздывать страсти и подчинять поступки людей закону, т. е. голосу разума.

Согласно Фукидиду и Гоббсу, для того чтобы дела государства шли хорошо, нужно, чтобы масса граждан понимала общие зада-

чи, свои обязанности перед государством. Но в годы Пелопоннесской войны трудность как раз и состояла в том, чтобы согласовать интересы граждан, равных в политическом, но не равных в имущественном отношениях, ибо имущественное неравенство среди самих свободных граждан зашло слишком далеко. Так же и в Англии XVII в. в силу нового соотношения сил между буржуазией и аристократией речь шла об изменении экономической структуры общества и о переходе власти из рук одного класса (феодальной аристократии) в руки другого (буржуазии).

Гоббсу же этот классовый конфликт представлялся бунтом «человеческой природы» против общественной власти как таковой, которая отождествляется Гоббсом с самим обществом и почитается независимо от ее политической формы как основное достояние людей, выражение их социальной природы. Поэтому всякий бунт против общественной власти, по Гоббсу, противоречит общим интересам людей. Такое понимание роли «человеческой природы» в общественном конфликте и подстрекательского влияния ораторов нам представляется главным при оценке Гоббсом функционирования механизма власти как афинской демократии после смерти Перикла, так и стюартовской Англии. Личная связь Гоббса с придворной аристократией играла при этом второстепенную роль, ибо он не был противником буржуазного развития Англии и понимал, что политика Стюартов противоречит национальным интересам.

Сказанное позволяет признать ошибочным встречающееся в буржуазной литературе утверждение о том, что политическое содержание очерка Гоббса о Фукидиде «бедно»[57] Непредвзятый анализ его содержания обнаруживает многообразные подходы Гоббса к концепциям, которые позднее прославили его имя как выдающегося философа и социолога новой эпохи.

[1] См.: *Reik M. M.* The golden lands of T. Hobbes. Detroit, 1977. P. 36.
[2] См.: *Hobbes T.* Opera philosophica, quae latine scripsit omnia.../Ed. by W. Molesworth: 5 vol. L., 1839. Vol. 1. P. LXXXVII.
[3] См.: *Hobbes T.* The english works/Ed. by W. Molesworth: 11 vol. L., 1839—1845. Vol. 8. P. V, VI.
[4] См.: Ibid. P. VIII—IX.
[5] См.: Ibid. P. IX, X.
[6] См.: *Reik M. M.* Op. cit. P. 37.
[7] См.: *Hobbes T.* The english works. Vol. 8. P. VIII.
[8] См.: Ibid. P. XXVII, XXXI.
[9] См.: *Мищенко Ф. Г.* Рационализм Фукидида в «Истории Пелопоннесской войны». Киев, 1881. Ч. 1. С. 42.
[10] См.: *Hobbes T.* The english works. Vol. 8. P. 15.
[11] См.: *Мищенко Ф. Г.* Указ. соч. С. 283.
[12] См.: *Фукидид.* История. Л., 1981. С. IX.
[13] См.: *Hobbes T.* The english works. Vol. 8. P. VI.
[14] Ibid. P. VII.
[15] Ibid. P. XX.
[16] *Idem.* Opera philosophica... Vol. 1. P. LXXXVIII.
[17] См.: *Idem.* The english works. Vol. 8. P. XX, XXI.
[18] Ibid. C. VIII.
[19] Ibid.

[20] Историки Греции: Геродот, Фукидид. Ксенофонт. М., 1976. С. 168.
[21] *Фукидид.* История. Л., 1981. С. XVII.
[22] *Hobbes T.* The english works. Vol. 8. P. XXIII, XXIV, XXVI.
[23] *Milton J.* The works: 18 vol. N. Y., 1931—1938. Vol. 12. P. 93—94.
[24] См.: *Hobbes T.* The english works. Vol 8. P. 2, 8, 16.
[25] Историки Греции. С. 178.
[26] *Hobbes T.* The english works. Vol. 8. P. 88.
[27] *Фукидид.* История. С. 95.
[28] См.: *Hobbes T.* The english works. Vol. 8. P. XXVII.
[29] См.: Историки Греции. С. 215—217.
[30] См.: *Hobbes T.* The english works. Vol. 8. P. 88, 89.
[31] Ibid. P. 74, 75.
[32] Историки Греции. С. 216, 218.
[33] *Мищенко Ф. Г.* Указ. соч. С. 183 сл.
[34] См.: *Reik M. M.* Op. cit. P. 42.
[35] *Hobbes T.* The english works. Vol. 8. P. XVI.
[36] Историки Греции. С. 216, 217.
[37] *Hobbes T.* The english works. Vol. 8. P. 348—349.
[38] См.: Ibid. P. XXVIII.
[39] Ibid. P. XXI, XXII.
[40] Ibid. P. XX.
[41] См.: Ibid. P. IX.
[42] *Aubrey J.* Aubrey's brief lives. Harmondsworth, 1976. Vol. 1. P. 357.
[43] См.: *Hobbes T.* The english works. Vol. 3. P. 702.
[44] См.: *Strauss L.* The political philosophy of Hobbes. Oxford, 1936. P. 30—45.
[45] См.: *Hobbes T.* The english works. Vol. 8. P. XXXI.
[46] См.: *Reik M. M.* Op. cit. P. 46.
[47] См.: *Ческис А. А.* Т. Гоббс — родоначальник современного материализма. М., 1924. С. 12.
[48] *Hobbes T.* The english works. Vol. 8. P. XVI.
[49] См.: *Reik M. M.* Op. cit. P. 201.
[50] См.: *Мищенко Ф. Г.* Указ. соч. С. 140.
[51] Историки Греции. С. 201.
[52] *Фукидид.* История. С. LIII.
[53] См.: *Hobbes T.* The english works. Vol. 2. P. XXII.
[54] *Idem.* Opera philosophica... Vol. 1. P. LXXXVIII.
[55] *Idem.* The english works. Vol. 6. P. 250.
[56] Ibid. Vol. 4. P. 165.
[57] *Watkins J. W* Hobbes's system of ideas. L., 1965. P. 15.